

DOI: 10.31857/S032103910005034-0

ГОМЕР, ПОЛИТИКА И ПАНАФИНЕИ

Н. П. Гринцер

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия;
Институт всеобщей истории Российской Академии наук, Москва, Россия;
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской Академии наук, Москва, Россия*

E-mail: grintser@mail.ru

Статья затрагивает некоторые аспекты «гомеровского вопроса», сосредотачиваясь на той роли, которую сыграла в генезисе текста «Илиады» и «Одиссеи» практика их исполнения на афинском празднестве Панафиней. Разделяя в целом «эволюционную теорию» Г. Надя, подчеркивающего особую значимость этого празднества для утверждения авторитета «Илиады» и «Одиссеи», автор задается вопросом, почему именно эти две поэмы постепенно заняли исключительное место в качестве подлинно гомеровских. На его взгляд, это во многом объясняется политикой и идеологией: в рамках Панафиней подчеркивалась особая связь двух этих произведений с Афинами в силу особой роли, которую играет в них богиня—покровительница города. Это подтверждается в числе прочего и данными афинской вазописи: к концу VI в. до н.э. в иконографии Афина становится постоянным персонажем сюжетов, связанных с Троянской войной. Политическая значимость гомеровских поэм подчеркивается историями как о ключевой роли Афин в установлении «правильного текста» Гомера («Писистратова редакция»), так и об их использовании при решении политических споров.

Ключевые слова: Афина, Панафиней, Гомер, устность/письменность, Писистрат, иконография, эволюционная модель, политика и литература

HOMER, POLITICS AND THE *PANATHENAEA*

Nikolay P. Grintser

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

E-mail: grintser@mail.ru

Данные об авторе. Николай Павлович Гринцер — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, директор Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, главный научный сотрудник отдела античной литературы ИМЛИ РАН.

The article deals with some aspects of Homeric question, focusing mainly on the practice of Homeric recitations at the Panathenaea festival. Following the 'evolutionary model' suggested by Gregory Nagy who stresses the importance of the festival for maintaining the authority of the *Iliad* and the *Odyssey*, the author addresses the particular problem: why these two poems were finally acknowledged as the only and truly 'Homeric'. He argues that it was partly due to some political and ideological reasons. In the Panathenaeian framework these two poems got specifically linked to Athens, because of the prominent role the city's patron goddess was playing in them. This hypothesis is supported by iconographic evidence: by the end of the sixth century BC Athena becomes a stock character in Athenian vase painting in the scenes related to Trojan war. The political significance of Homeric poems is also maintained by legendary stories emphasizing the crucial role of Athens in the process of establishing the "true Homer" (Peisistratean Recension), and the importance of Homeric texts in solving political conflicts.

Keywords: Athena, the Panathenaea, Peisistratus, Homer, orality/literacy, iconography, evolutionary model, politics and literature

В центре данной статьи¹ — банальный (до провокационности) вопрос, почему от всего архаического героического эпоса древней Греции до нас дошли именно «Илиада» и «Одиссея». Естественно, он многократно обсуждался в рамках так называемого «гомеровского вопроса». Мне уже приходилось достаточно много писать о том, каким мне видится современное состояние этой проблемы², и потому, не углубляясь еще раз в хитросплетения научной аргументации различных школ, вначале обозначу свое видение генезиса гомеровских поэм. Из всех выдвинутых на данный момент концепций мне наиболее близка «эволюционная модель» Г. Нады — наиболее радикального последователя «устной теории» М. Пэрри—А. Лорда. Согласно этой модели, гомеровские поэмы существовали и распространялись преимущественно в устной форме (при возможном параллельном существовании различных письменных версий, ни одна из которых не являлась канонической) на протяжении весьма длительного периода времени, от VIII до II в. до н.э., а окончательный текст (именуемый на гомероведческом жаргоне «вульгатой»), дошедший до нас, был кодифицирован александрийскими филологами (причем решающая роль здесь, по всей видимости, принадлежала Аристарху)³. Опять-таки не буду подробно останавливаться на всех возможных аргументах в пользу именно такой картины; упомяну лишь наиболее существенный, а именно наличие в период с IV по II в. до н.э. многочисленных папирусных фрагментов Гомера, текст которых достаточно радикально отличается от будущей «вульгаты». Количество этих «диких», или «эксцентрических», папирусов постепенно снижается, а к концу II в. до н.э. они практически полностью исчезают, что и знаменует собой окончательную фиксацию письменного текста гомеровских поэм⁴. Любые попытки датировать кодификацию гомеровских поэм более ранним временем (даже не отменяя их изначально устную

¹ В основу статьи положен доклад, прочитанный на конференции «Историк и текст. К 80-летию “Вестника древней истории”» 18 декабря 2017 г.

² Наиболее полно нашу точку зрения см. Grintser 2018, 82–116.

³ Эта теория изложена в целом ряде трудов Г. Нады: см., например, Nagy 1996, 42–77 (развернутая версия); 2009, 4–6 (сжатая и чуть уточненная).

⁴ Обзор состояния дел с изучением гомеровских папирусов см. Haslam 1997; West 2001, 86–138.

природу⁵) наталкиваются помимо необходимости объяснять распространение данных экзотических вариантов еще и на известную проблему наличия в «вульгате» большого количества аттицизмов, которые никак нельзя датировать ранним периодом, а потому следует исправлять, реконструируя стоящие за ними более ранние ионийские формы, или вовсе исключать из текста⁶.

«Эволюционная модель» предлагает и собственное видение проблемы соотношения «Илиады» и «Одиссеи», с одной стороны, и остального корпуса архаического греческого эпоса, традиционно именуемого «киклическими поэмами», — с другой. В представлении Надя и его последователей, изначально все эти поэмы исполнялись параллельно друг с другом, и лишь постепенно «Илиада» и «Одиссея» выделились из общего корпуса — прежде всего в силу того, что они стали последовательно исполняться на одном из важнейших панэллинских празднеств, афинских Панафинейх. Именно внутри них эти две поэмы приобрели особый статус и получили признание в качестве подлинно гомеровских. Для описания этого процесса Надя пользуется весьма яркой метафорой «бутылочного горлышка» — ‘Panathenaic bottleneck’. Именно благодаря Панафинейам киклические поэмы отсеялись, а «Илиада» и «Одиссея», напротив, прошли через это «горлышко», таким образом приобретая особое положение и авторитет. Это, впрочем, не означает их окончательной фиксации: процесс сужения и закрепления их канонического текста занял еще несколько столетий.

Подобное вычленение «Илиады» и «Одиссеи» из общего потока архаического эпоса согласуется с современными представлениями о генезисе киклических поэм. Традиционно эпический цикл воспринимался (прежде всего поборниками унитарного подхода) как своего рода позднейшие дополнения к «Илиаде» и «Одиссее», заполняющие оставленные этими двумя поэмами лакуны в троянском мифе: «Киприи» — начало войны, «Эфиопида» и «Малая Илиада» — события после гибели Гектора, «Разрушение Илиона» — победу греков и т.п.⁷. В свою очередь, неоаналитики, как явствует из самого их метода, по необходимости должны были полагать некоторые фрагменты или цельные произведения (например, «Эфиопиду» или гипотетическую «Ахиллеиду») предшествующими или параллельными Гомеру, чтобы он был способен черпать из них свой материал⁸. Что же касается поборников теории Пэрри—Лорда, то для них киклический эпос представляет собой часть единой традиции устной поэзии, к которой принадлежат и гомеровские поэмы. Впрочем, это не отменяет вопроса, почему дошедшие до нас пересказы содержания киклических поэм действительно представляют их как своего рода дополнения к «Илиаде» или «Одиссее». Достаточно убедительный ответ был предложен Дж. Бёрджесом, сумевшим продемонстрировать, например применительно к «Киприям», что изначально они вполне могли покрывать всю Троянскую войну и лишь впоследствии их содержание было обрезано

⁵ Как это делают, например, Р. Дженко, относящий создание гомеровских поэм к середине VIII в. до н.э. (Janko 1998), или М. Уэст, датирующий их веком позже (West 1995; 2014, 24–43).

⁶ Так, например, поступает в своих изданиях Уэст (West 1998; 2000).

⁷ См., например, Davies 1989, 5.

⁸ Классический вариант неоаналитического подхода см., например, в Dowden 1996; обзор различных версий содержит статья West 2003, автор которой, со своей стороны, пытается остроумно (но с очевидными натяжками) доказать противоположный тезис: не «Эфиопида» влияла на «Илиаду», а наоборот.

в угоду гомеровскому авторитету⁹. Но здесь возникает уже следующий вопрос, почему именно «Илиада» и «Одиссея» такой авторитет приобрели. Или, если оставаться в рамках «эволюционной теории», почему именно они прошли через «бутылочное горлышко» Панафиней?

Исследователи самых разных направлений давали свои варианты ответа на данные вопросы. Правда, вне зависимости от специфического взгляда на общую картину развития гомеровских поэм этот ответ так или иначе сводился к по-разному понимаемому «гению Гомера». Для унитариев такое объяснение вполне естественно. В качестве наиболее яркого его обоснования можно вспомнить классическую статью Дж. Гриффина, который подробно сравнивал текст гомеровских поэм с практически не сохранившимися произведениями «цикла» и тем не менее постарался продемонстрировать эстетическое и содержательное превосходство первых над вторыми¹⁰. Для неоаналитиков, чей метод в принципе основан на постоянном соотношении гомеровских и киклических поэм, особый статус «Илиады» и «Одиссеи» объясняется, в частности, тем, что только эти два произведения создавались, хотя бы отчасти, письменным путем¹¹; но это также (даже при том, что они могли не принадлежать одному автору) свидетельствовало, по их мнению, о более продвинутом художественном уровне. В свою очередь, некоторые исследователи, принимающие возможность изначального создания «Илиады» и «Одиссеи» устным путем, опять-таки подчеркивают их особое положение по отношению к «циклу», от которого они отличаются наличием уникальных мифологических версий и особенностями переработки традиционного материала¹². Тем самым опять особый статус двух поэм определяется их внутренним содержанием и новым художественным качеством; к этому, впрочем, могут прибавляться и внешние факторы: привилегированное исполнение на Панафинях или на еще более ранних аналогичных праздниках архаической эпохи, вроде изображенного в гомеровском «Гимне к Аполлону» собрания ионийцев на Делосе. Но эти внешние обстоятельства становятся следствием признания аудиторией уникальности внутреннего строя поэм¹³.

⁹ Burgess 1996. В полном виде концепция Бёрджеса изложена в его книге (Burgess 2001). Одним из аргументов в пользу существования версий, параллельных гомеровской, является тот факт, что наиболее ранние изображения троянских сюжетов на вазах не соответствуют тексту «Илиады» и «Одиссеи», а значит, могли опираться на альтернативные источники (см. Lowenstam 1997; Snodgrass 1998).

¹⁰ Griffin 1977. Здесь уместно вспомнить схожую аргументацию знаменитого немецкого гомероведа Альбина Лески (Lesky 1954, 7–8), который доказывал значительное художественное превосходство Гомера над южнославянским эпосом, сопоставляя «Илиаду» с одной из наиболее пространственных южнославянских поэм, записанной М. Пэрри и А. Лордом, но при этом основывался на кратком пересказе последней в книге С.М. Боура (Bowra 2002 [1952], 473–475), который, в свою очередь, получил этот пересказ от самого А. Лорда. Лорд по этому поводу с недоумением замечал: «А что, можно составить адекватное представление об “Илиаде” на основании двухстраничного резюме? Лески готов осуждать поэтическое произведение, исходя лишь из пересказа, не читая его самого» (Lord 1991, 95).

¹¹ См., например, важную статью патриарха современного неоаналитизма В. Кульмана (Kullmann 1992, 140–155).

¹² Эти особенности, с их точки зрения, позволяют считать «Илиаду» и «Одиссею» своего рода «метаэпосом» (Finkelberg 1998, 154–155; 2003, 79) или «метациклом» (Burgess 2009, 66).

¹³ См. Finkelberg 2011, 207.

Действительно, сторонники радикальной трактовки устности гомеровских поэм неизбежно сталкиваются с понятным возражением: если корпус архаической эпической традиции был в принципе един и однороден, то какова причина того, что «Илиада» и «Одиссея», начиная уже с классической эпохи, очевидным образом занимают в ней особое место? Ответ Надя представляет собой отчасти порочный круг, отчасти констатацию исторического факта: «Илиада» и «Одиссея» завоевали это место благодаря тому, что только они оказались освящены панафинейской традицией, ибо только они прошли через пресловутое «бутылочное горлышко». Но почему? Для ответа на этот вопрос необходимо вначале кратко оценить имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства, связывающие гомеровские поэмы с Панафинейями.

Исполнение Гомера на Панафинейях стало одной из важнейших составляющих представлений о величии и мощи Афин и их роли лидера Греции. Об этом свидетельствует, например, упоминание о них в речи Ликурга «Против Леократа» (102):

Βούλομαι δ' ὑμῖν καὶ τῶν Ὀμήρου παρασχέσθαι ἐπῶν. οὕτω γὰρ ὑπέλαβον ὑμῶν οἱ πατέρες σπουδαῖον εἶναι ποιητὴν, ὥστε νόμον ἔθεντο καθ' ἑκάστην πεντετηρίδα τῶν Παναθηναίων μόνου τῶν ἄλλων ποιητῶν ῥαψωδεῖσθαι τὰ ἔπη, ἐπίδειξιν ποιούμενοι πρὸς τοὺς Ἕλληνας, ὅτι τὰ κάλλιστα τῶν ἔργων προηροῦντο.

Хочу я вам также привести пример из песен Гомера. Ведь ваши отцы считали его столь выдающимся поэтом, что издали закон, по которому каждые пять лет на Панафинейях из всех остальных поэтов надлежит исполнять только его песни, показывая всем эллинам, что они оказывают предпочтение прекраснейшим из творений (пер. Т.В. Прушакевич).

Поэтому не случайно, что в традиции заслуга включения соревнований рапсодов в программу Панафиней связывалась с именами знаменитых лидеров Афин VI в. до н.э. В качестве такового часто назывался один из Писистратидов, Гиппарх: одно из главных свидетельств об этом сохранилось в псевдоплатоновском диалоге «Гиппарх» (228b-c):

Ἰππάρχῳ, δὲ ἄλλα τε πολλὰ καὶ καλὰ ἔργα σοφίας ἀπεδέξατο, καὶ τὰ Ὀμήρου ἔπη πρῶτος ἐκόμισεν εἰς τὴν γῆν ταύτην, καὶ ἠνάγκασε τοὺς ῥαψωδοὺς Παναθηναίοις ἐξ ὑπολήψεως ἐφεξῆς αὐτὰ διέναι, ὥσπερ νῦν ἔτι οἶδε ποιοῦσιν.

[Гиппарх] показал нам множество прекрасных деяний мудрости, и в том числе первым ввел поэмы Гомера в нашу страну, заставив рапсодов поочередно, одного вслед за другим, читать их на Панафинейях, как они делают это и в наше время (пер. С.Я. Шейнман-Топштейн).

В качестве варианта в античных источниках честь введения исполнения Гомера на Панафинейях, а также установления так называемого «панафинейского правила» приписывается также Солону (Diog. Laert. I. 57):

τὰ τε Ὀμήρου ἐξ ὑποβολῆς γέγραφε ῥαψωδεῖσθαι, οἷον ὅπου ὁ πρῶτος ἔληξεν, ἐκεῖθεν ἄρχεσθαι τὸν ἐχόμενον.

Солон установил закон, согласно которому Гомера рапсодам надо исполнять последовательно, так чтобы следующий подхватывал там, где остановился предыдущий.

Очевидным образом Солон здесь выступает в качестве своего рода демократической альтернативы тирану Гиппарху, но важно именно то, что установление «панафинейского правила» вписывается прежде всего в политический контекст.

С «панафинейским Гомером» связана и еще одна знаменитая история, многократно использовавшаяся разными исследователями в рассуждениях о генезисе текста гомеровских поэм. Это рассказ о «Писистратовой редакции», т.е. о создании некоего письменного текста Гомера уже в VI в. до н.э. Чаше всего в качестве свидетельства о ней приводится текст эпиграммы из «Палатинской антологии» (XI. 442):

Τρίς με τυραννίσαντα τοσαυτάκις ἐξεδίωξε
δῆμος Ἐρεχθῆος καὶ τρίς ἐληγάγετο,
τὸν μέγαν ἐν βουλῇ Πεισίστρατον, δς τὸν Ὀμηρον
ἥθροισα σποράδην τὸ πρὶν ἀειδόμενον·
ἡμέτερος γὰρ κεῖνος ὁ χρύσεος ἦν πολιτῆς,
εἴπερ Ἀθηναῖοι Σμύρναν ἀπώκισαμεν.

Трижды меня, тирана, изгонял народ Эрехтея и трижды возвращал назад меня, Писистрата, великого в совете. Это я собрал Гомера, прежде петого порознь. А он был золотым нашим гражданином, если и правда мы, афиняне, заселили Смирну.

В контексте наших дальнейших рассуждений показательно, что по ходу дела утверждается политическая и гражданская связь Гомера с Афинами — через одну из возможных родин поэта, Смирну, которая представляется афинской колонией¹⁴. Что же касается сути описываемого процесса, то механизм его предстает следующим образом: Писистрат собрал воедино произведения Гомера, до тех пор исполнявшиеся «порознь»: греч. σποράδην — слово, которое обычно означает что-то вроде «и там, и сям» и в данном случае понимается как указание на то, что поэмы (или их части) исполнялись в разных частях греческого мира и, вероятно, в разных версиях¹⁵. Подтверждением именно такой интерпретации служит аналогичное свидетельство Павсания в «Описании Эллады» (VII. 26. 13): Πεισίστρατον δέ, ἡνίκα ἔτη τὰ Ὀμήρου διεσπασμένα τε καὶ <ἄλλα> ἄλλαχού μνημονεύόμενα ἥθροισε («Писистрат, когда собирал рассеянные и по-разному в разных местах воспроизводившиеся по памяти поэмы Гомера»).

Впрочем, в римское время существовали и иные представления о сути «Писистратовой редакции»: она описывалась не столько как сличение разных версий, сколько как некоторое упорядочивание и выстраивание поэм в единое целое. Так,

¹⁴ Надо сказать, что идея тесной связи Гомера с Афинами была достаточно популярна у позднейших грамматиков и авторов так называемых «Жизнеописаний Гомера». См. об этом Nagy 2010, 59–65, где в качестве неких промежуточных звеньев в построении «афиноцентричной биографии» Гомера рассматриваются острова Хиос и Самос. Смирна укладывается в ту же самую модель; эта версия рождения Гомера восходит, по всей видимости, к раннеклассическому периоду (Graziosi 2002, 72–77).

¹⁵ В контексте постоянно подчеркиваемой и во многом политически мотивированной связи Афин с Гомером достаточно интересной представляется параллель, в том числе и лексическая, в описании роли Афин в политическом объединении Греции из «Панегирика» Исократ (39): Афины, «получив греков, живущих в беззаконии и *рассеянности*» (παράλαβοῦσα γὰρ τοὺς Ἕλληνας ἀνόμως ζῶντας καὶ σποράδην οἰκοῦντας), сумели «упорядочить» их жизнь собственным примером, введя законы и правила государственного устройства (т.е. поступили со всей Грецией примерно так, как Писистрат с Гомером).

по всей видимости, рисовался этот процесс Цицерону¹⁶ и Элиану¹⁷. Замечательно, что и в этих свидетельствах «собрание Гомера» рассматривается не только как чисто культурный, но и как акт политический, связываемый с фигурами полулегендарных правителей и законодателей, в частности, помимо Писистрата, с Ликуртом — своего рода спартанским аналогом Солона. Надо сказать, что Ликург также постоянно ассоциировался с распространением и фиксированием текста Гомера: соответствующее свидетельство мы находим в его биографии у Плутарха (*Лус.* 4):

ἐκεῖ δὲ καὶ τοῖς Ὀμήρου ποιήμασιν ἐντυχὼν πρῶτον, ὥς ἔοικε, παρὰ τοῖς ἐκγόνοις τοῖς Κρεοφύλου διατηρουμένοις, καὶ κατιδὼν ἐν αὐτοῖς τῆς πρὸς ἡδονὴν καὶ ἀκρασίαν διατριβῆς τὸ πολιτικὸν καὶ παιδευτικὸν οὐκ ἐλάττονος ἄξιον σπουδῆς ἀναμειγμένον, ἐγράψατο προθύμως καὶ συνήγαγεν ὥς δεῦρο κομιῶν. ἦν γάρ τις ἡδὴ δόξα τῶν ἑλπῶν ἀμαυρὰ παρὰ τοῖς Ἕλλησιν, ἐκέκτηντο δὲ οὐ πολλοὶ μέρη τινά, σποράδιην τῆς ποιήσεως, ὥς ἔτυχε, διαφερομένης· γνῶρίμην δὲ αὐτὴν καὶ μάλιστα πρῶτος ἐποίησε Λυκοῦργος.

Там он впервые познакомился с поэмами Гомера, вероятно, сохранявшимися у потомков Креофила, и найдя, что в них, кроме рассказов, доставляющих удовольствие и развлечение, заключено много чрезвычайно ценного для воспитателя и государственного мужа, тщательно их переписал и собрал, чтобы увезти с собою. Какая-то смутная молва об этих произведениях уже распространилась среди греков, а немногие даже владели разрозненными их частями, занесенными в Грецию случайно, но полное знакомство с ними впервые произошло благодаря Ликургу (пер. С.П. Маркиша).

В этом описании соединяются обе уже знакомые нам характеристики начального состояния гомеровских текстов: они были известны «по частям» и распространялись «порознь», — и деятельность великого законодателя, осознавшего политическую значимость (τὸ πολιτικόν) этих произведений, выполняла сразу две цели: собрать поэмы воедино и, что немаловажно, в одном месте.

Спартанская версия «Ликурговой записи» кажется многим исследователям не просто параллельной, но скорее вторичной по отношению к афинской¹⁸.

¹⁶ Cic. *De orat.* III. 137: Quis doctior eisdem temporibus illis aut cuius eloquentia litteris instructior fuisse traditur quam Pisistrati? qui primus Homeri libros confusos antea sic disposuisse dicitur, ut nunc habemus. — «Кто в те былые времена был более мудр или более образован в ораторском искусстве, чем Писистрат? Тот Писистрат, который первый, говорят, расположил прежде перемешанные книги Гомера так, как мы имеем их теперь» (пер. Ф.А. Петровского).

¹⁷ Ael. *Var. hist.* XIII. 14: «Древние первоначально исполняли гомеровские поэмы отдельными песнями. Песни назывались: “Битва у кораблей”, “Долоней”, “Подвиги Агамемнона”, “Каталог кораблей”, “Патроклея”, “Выкуп”, “Игры в честь Патрокла”, “Нарушение клятвы”; это вместо “Илиады”. Вместо второй поэмы — “События в Пилосе”, “События в Лакедемоне”, “Пещера Калипсо”, “Постройка плота”, “Встреча с Алкиноем”, “Киклопы”, “Заклинание умерших”, “Приключения у Кирки”, “Омовение”, “Расправа с женихами”, “События в деревне”, “События в доме Лаэрта”; в позднейшие времена лакедемонянин Ликург первый привез в Элладу все песни Гомера; он вывез их из Ионии, когда был там. Потом Писистрат соединил песни между собой и создал “Илиаду” и “Одиссею»» (пер. С.В. Поляковой).

¹⁸ В частности, Б. Грациози предполагает, что она была изобретена в Афинах в качестве «негативной версии» по сравнению с действиями Писистрата, поскольку легендарный Креофил с Самоса пользовался достаточно дурной репутацией за «плохое обращение» с текстом Гомера (см. Plat. *Rep.* 600b–c). См. Graziosi 2002, 219–220. О вторичности «Ликурговой версии» (как и фигуры Солона в сравнении с Писистратом) см. также, например, Janko 1992, 30. Впрочем, некоторые исследователи полагают эту

Во-первых, афинское предание очевидным образом связано с исторически подтверждаемой практикой исполнения Гомера на Панафинеях: разумеется, гомеровские поэмы исполнялись на играх и праздниках в разных местах Греции (например, в Сикионе, Аргосе, на Делосе), но относительно Спарты таких свидетельств крайне мало, они достаточно поздние, и их историческая обоснованность вызывает сомнения¹⁹. Во-вторых, надо заметить, что начиная с VI в. до н.э. мы то и дело сталкиваемся с примерами, когда политическое значение гомеровских поэм актуализируется именно применительно к Афинам²⁰.

Наиболее ярким примером такой политизации является известная история о споре Афин и Мегары за остров Саламин. Интересно, что честь окончательного отвоевания острова античные источники приписывают — точно так же, как и первую запись гомеровских поэм, — то ли Солону, то ли Писистрату, то ли им обоим (см. Hdt. I. 59; Plut. Sol. 8–10). Еще более показателен многократно пересказываемый анекдот, согласно которому в этом споре Гомер использовался как аргумент в пользу афинских притязаний. Наиболее полно история изложена у Плутарха (Sol. 10):

Однако мегаряне упорствовали в намерении вернуть себе Саламин; много вреда причиняли они во время этой войны афинянам, и сами терпели от них. Наконец, обе стороны пригласили спартанцев в посредники и судьи. По свидетельству большей части авторов, Солону помог в этом споре авторитет Гомера: говорят, Солон вставил в «Список кораблей» стих и прочел его на суде: «Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов саламинских / Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги» (пер. С.И. Соболевского).

Эту историю в разных вариантах пересказывают и другие авторы. Аристотель упоминает ее, говоря о ссылках в суде на авторитет древних поэтов: «Так, например, афиняне все пользовались свидетельством Гомера относительно Саламина» (Rhet. I. 15, 1375b 29–30). При этом в большинстве случаев подчеркивается тот факт, что афиняне намеренно вставили в гомеровский текст строки, подтверждавшие связь Афин с Саламином: Аякс со своей саламинской дружиной выступал вместе с афинянами (Diog. Laert. I. 48). В качестве автора этой политической вставки чаще всего фигурирует Солон, однако Страбон сообщает, что некоторые приписывали эту заслугу и Писистрату (Strab. IX. 1. 10), т.е. в правке гомеровского текста участвуют оба знаменитых политических лидера, с именами которых связывалась и первая запись гомеровских поэм. Характерно, например, что Диоген Лаэртский (I. 57, со ссылкой на мегарского историка, т.е., по всей видимости, вновь имея

версию независимой и аутентичной: см., например, Levaniouk 2012, 390–392. О типологическом значении темы «законодатель приносит в город Гомера» см. Nagy 1996, 71–75.

¹⁹ Соревнования кифаредов в Спарте традиционно ассоциируются с именем Терпандра и учрежденным им праздником Карнеи (Athen. 635e, Ps.-Plut. De mus. 1134b). Некоторые исследователи предполагают, что эти состязания могли включать исполнение Гомера, например исходя из того, что гимны Терпандра могли представлять собой «прелюдии» (προοίμια) к гомеровским поэмам (Frame 2009, 71); однако прямых свидетельств этому нет. Характерно, что в позднейшей традиции бытовало мнение о позднем появлении рапсодических состязаний в Спарте и вообще в дорийской области (см., например, Мах. Туг. XVII. 5). Об обоснованности этого взгляда см. Tsagalis 2018, 65.

²⁰ Чрезвычайно показательно в этом отношении обсуждение значимости гомеровских поэм для города в платоновских «Законах», где они предстают исключительно афинским достоянием. См. об этом Martin 2013, 323–326.

в виду все тот же исторический анекдот), отдавая первенство в «исправлении Гомера» именно Солону, все равно сравнивает его с Писистратом:

μᾶλλον οὖν Σόλων Ὅμηρον ἐφώτισεν ἢ Πεισίστρατος, ὥς φησι Διευχίδας ἐν πέμπτῳ Μεγαρικῶν. ἦν δὲ μάλιστα τὰ ἔπη ταυτί· “οἳ δ’ ἄρ’ Ἀθήνας εἶχον” καὶ τὰ ἐξῆς.

Солон больше прояснил Гомера, чем Писистрат (как утверждает Диевхид в V книге «О Мегарах»), — главным образом в тех стихах, где говорится: «Но мужей, населяющих град велелепный, Афины...» и далее» (пер. М.Л. Гаспарова).

Как следует из этого свидетельства Диогена, похоже, что «рука Афин» ощущалась применительно даже не к конкретной строке из «Каталога кораблей» во второй песни «Илиады», где саламинец Аякс расставляет свое войско рядом с афинским, но ко всему отрывку, в котором описывается достаточно значительный отряд, который под Троию отправили афиняне (Ил. II. 546–558; здесь и далее пер. Н.И. Гнедича):

Οἳ δ’ ἄρ’ Ἀθήνας εἶχον ἐϋκτίμενον πτολίεθρον
δῆμον Ἐρεχθίδος μεγαλήτορος, ὃν ποτ’ Ἀθήνῃ
θρέψε Διὸς θυγάτηρ, τέκε δὲ ξείδωρος ἄρουρα,
καὶ δ’ ἐν Ἀθήνῃς εἶσεν ἔῳ ἐν πόνῳ νηῶ·
ἔνθα δέ μιν ταύροις καὶ ἄρνειοῖς ἱλάονται
κοῦροι Ἀθηναίων περιτελλομένων ἐνιαυτῶν·
τῶν αὖθ’ ἡγεμόνευ’ υἱὸς Πετεῶο Μενεσθεύς.
τῷ δ’ οὐ πῶ τις ὁμοῖος ἐπιχθόνιος γένετ’ ἀνὴρ
κοσμήσαι ἵπλους τε καὶ ἀνέρας ἀσπιδιώτας·
Νέστωρ οἷος ἔριξεν· ὃ γὰρ προγενέστερος ἦεν·
τῷ δ’ ἅμα πεντήκοντα μέλαινα νῆες ἔποντο.

Αἶας δ’ ἐκ Σαλαμῖνος ἄγεν δυοκαίδεκα νῆας,
στῆσε δ’ ἄγων ἴν’ Ἀθηναίων ἴσταντο φάλαγγες.

Но мужей, населяющих град велелепный Афины,
Область царя Эрехтея, которого в древние веки
Мать земля родила, воспитала Паллада Афина,
И в Афины ввела, и в блестящий свой храм водворила,
Где и тельцами и агнцами ныне ее убаживают
Чада Афин, при урочном исходе годов круговратных, —
Сих предводил Петеид Менесфей, в ратоборстве искусный.
С ним от мужей земнородных никто не равнялся в искусстве
Строить на битвы и быстрых коней, и мужей щитоносцев.
Нестор один то оспаривал, древле родившийся старец.
С ним пятьдесят кораблей, под дружиною, черных примчалось.
Мощный Аякс Теламонид двенадцать судов саламинских
Вывел и с оными стал, где стояли афинян фаланги.

Об этом довольно пространно рассуждает Страбон в своей «Географии» (IX. 1. 9–10); патриарх александрийской филологии Зенодот изымал этот пассаж из текста поэмы — и надо сказать, что с античными учеными во многом соглашаются и современные исследователи, по крайней мере те, кто предполагает достаточно раннюю фиксацию текста «Илиады» и «Одиссеи», видят в этом пассаже «афинскую интерполяцию»²¹. Одним из главных аргументов

²¹ См. West 2001, 180; Latacz, Bierl 2010, 175–176.

здесь служит то обстоятельство, что афинский контингент (весьма значительный, в 50 кораблей) и его предводитель Менесфей в дальнейшем в «Илиаде» почти не упоминаются, если не считать нескольких строк в XIII песни (195–196, 689–691) и чуть более развернутых эпизодов в IV (327–348), когда Агамемнон упрекает Менесфея и его воинов за праздность в битве, и XII, когда устранившись Главка и Сарпедона, вождь афинян призывает на помощь Аякса (331–352)²².

Надо сказать, что подобные следы «афинской редакции» обнаруживаются и в других местах гомеровских поэм. Так, в третьей песни «Илиады» среди служанок Елены упоминается дочь Питфея Эфра (III. 141–144):

αὐτίκα δ' ἄργεννῆσι καλυψαμένη ὀθόνησιν
ὄρματ' ἐκ θαλάμοιο τέρεν κατὰ δάκρυ χέουσα
οὐκ οἶη, ἅμα τῇ γε καὶ ἀμφίπολοι δὺ' ἔποντο,
Αἴθρη Πιτθῆος θυγάτηρ, Κλυμένη τε βοῶλις·

Встала она и, серебристыми тканями вкруг осеняся,
Быстро из дому идет со струящеюся нежной слезою.
Следом за ней поспешили прислужницы верные обе,
Эфра, Питеева дочь, и Климена, с блистательным взором.

В ней традиция видела мать главного афинского героя Тесея. Согласно Павсанию, ее история более подробно излагалась в киклических поэмах, в частности в «Разрушении Илиона»: «Что касается Эфры, то Лесхеос написал в своей поэме, что в момент взятия Илиона она тайно укрылась в лагере эллинов, была там узнана детьми Тесея и что будто бы Демофонт попросил ее у Агамемнона. Агамемнон, по его словам, ответил ему, что он охотно готов сделать ему приятное, но может сделать это только с согласия Елены; он послал к ней глашатая, и Елена дала свое милостивое согласие» (Paus. X. 25. 3; пер. С.П. Кондратьева). Присутствие ее имени в тексте Гомера очевидным образом воспринималось как знак связи Афин с троянским походом и участия в нем, в числе прочих героев, сыновей Тесея, о чем, в частности, упоминает и Плутарх в своей биографии мифического афинского царя (Plut. *Thes.* 34. 1)²³.

Таким образом, очевидно, что гомеровские поэмы в какой-то мере выполняли роль инструмента афинской политики и конструирования афинского идеологического мифа. И здесь вновь стоит вернуться к вопросу о причинах выбора в корпусе архаической эпической поэзии именно «Илиады» и «Одиссеи» в качестве «подлинно гомеровских» поэм.

По всей видимости, изначально на Панафинейях помимо «Илиады» и «Одиссеи» исполнялись и другие произведения, входившие в эпический цикл²⁴. Одним из важнейших, хотя и косвенных, аргументов в пользу этого является

²² Подробнее о роли Менесфея в «Илиаде» см. Dué 2006, 92–95. О популярности этой легендарной фигуры в Афинах классической эпохи см. Burkert 1987, 47, 58.

²³ Некоторыми комментаторами соответствующий пассаж в «Илиаде» также воспринимался как позднейшая проафинская вставка. Однако существуют серьезные аргументы в пользу раннего происхождения данной мифологической истории, отразившейся в эпосе; см., например, Zaytsev 1964. О ее распространенности уже в VI в. до н.э. см. Walker 1995, 17–18; об обсуждении ее в позднейшей традиции, прежде всего в «Троянской речи» Диона Хрисостома, см. Kim 2010, 119–120.

²⁴ См. Jensen 1980, 147–149; Ford 1997, 87–88; Burgess 2004, 7–8; Nagy 2010, 69–73.

то обстоятельство, что в афинской (в том числе и панафинейской) вазопи-
си VI в. до н.э. сюжеты, относящиеся к циклу, оказываются куда более по-
пулярными, чем собственно сцены, связанные с «Илиадой» и «Одиссеей»²⁵.
Более того, Дж. Бёрджес даже предполагает, что собственно цикл в том
виде, в котором мы его имеем в последующие эпохи, начал формировать-
ся именно в рамках панафинейских исполнений²⁶. Так это или нет, но в VI в.
до н.э. материал цикла скорее всего включался в панафинейские состяза-
ния, и лишь к концу этого столетия, как убедительно показал Г. Надь, они
оказались сосредоточены именно вокруг «Илиады» и «Одиссеи». Интерес-
но, что именно с этого времени в античных источниках (причем опять-та-
ки преимущественно в афинском контексте) начинает обсуждаться вопрос
об авторстве Гомера применительно к киклическим поэмам (одно из пер-
вых таких рассуждений принадлежит Геродоту, когда он в своей «Исто-
рии» II. 116 подробно обосновывает точку зрения, согласно которой «Кип-
рии» Гомеру не принадлежат). О роли Панафиней в становлении имперской
афинской идеологии написано немало²⁷; соответственно, можно предположить,
что выбор именно двух поэм тоже должен был иметь определенный идеологи-
ческий подтекст. Что же такого близкого афинской идеологии обнаруживали
именно «Илиада» и «Одиссея»?

Ответ на этот вопрос, как кажется, достаточно очевиден, и остается толь-
ко удивляться, что до сих пор напрямую он, пожалуй, еще не был высказан.
Самым «афинским» персонажем Гомера, разумеется, является сама Афина —
покровительница и защитница города и главный объект самого религиозно-
го праздника, на котором и исполнялся гомеровский эпос. Нет нужды дол-
го описывать особую роль этого божества в двух поэмах. В «Одиссее» это само
собой разумеется: особая связь Афины с главным героем подчеркивается по-
стоянно, именно она является главным двигателем сюжета — от избавления
Одиссея от плена у Калипсо до его мести женихам и примирения с их раз-
гневанными родственниками. Неслучайно в свое время Д. Клэй в достаточно
спорной, но очень содержательной книге предположила, что в основе эпиче-
ского сюжета данной поэмы лежит «гнев Афины»²⁸. С другой стороны, многие
элементы гомеровского сюжета о странствиях Одиссея обнаруживают параллели
в актуальных для классических Афин культах и ритуалах²⁹.

Однако и в «Илиаде» Афина покровительствует главным греческим геро-
ям, и прежде всего Ахиллу. Можно ограничиться одним примером. Не будь
Афины, Ахилл не совершил бы своего главного подвига: не одержал бы по-
беды над Гектором, неотвратимо предвосхищавшей (и это отчетливо подчер-
кивается в самой поэме) конечную победу всего греческого войска — взятие
Трои. Возможная политическая значимость главного героя «Илиады» для
Афин иногда уже подчеркивалась исследователями, в частности в связи со
стремлением Писистрата укреплять свои союзнические связи с Фессалией,

²⁵ См. Shapiro 1992, 72–73. Ср. также выше прим. 9.

²⁶ Burgess 2001, 14–15.

²⁷ См. подробный обзор свидетельств в Neils 2012.

²⁸ Clay 1983.

²⁹ В частности, в важнейших для Афин традиционных сюжетах об основании города
(спор Афины и Посейдона) и мифе об Эрехтее. Подробно об этом см. Cook 1995, 129–194.

традиционно считавшейся родиной Ахилла³⁰. Но если и так, связь эта благодаря «Илиаде» могла иметь под собой достаточно прочное основание: в качестве древнего и главного союзника Ахилла в эпосе выступает сама Афина.

Наше предположение об «афинизации Гомера»³¹ через посредство образа самой Афины подкрепляется среди прочего и иконографией. Ряд исследователей обратили внимание на то, что на рубеже VI и V в. до н.э. на панафинейских амфорах и других афинских сосудах резко возрастает количество изображаемых сцен, связанных с гомеровскими поэмами и троянским мифологическим циклом в целом³². При этом интересно, что в изображении этих сюжетов все чаще начинает присутствовать сама Афина³³. Например, она становится практически обязательным персонажем в таких популярных вазописных сценах, связанных с гомеровскими поэмами, как бой Ахилла с Гектором — как в одиночку³⁴, так и в паре с Аполлоном³⁵, притом что на более ранних сосудах она вполне может отсутствовать³⁶. Одновременно она внедряется и в другие чрезвычайно распространенные иконографические сюжеты на темы Троянской войны, которые в «Илиаде» и «Одиссее» отсутствуют и, возможно, были связаны с поэмами цикла. Такова, например, сцена с Ахиллом и Аяксом, играющими в кости, известная прежде всего по знаменитой амфоре Эксекия середины VI в. до н.э.³⁷, на которой, кроме самих игроков, никого нет. Однако уже к началу V в. к ним очень часто добавляется Афина, наблюдающая за двумя своими любимцами³⁸. Разумеется, это можно считать (как и считают) своего рода местным клеймом, знаком связи данного предмета с Афинами и Панафинейскими играми. Но клеймо это появляется именно на эпических сюжетах, делая их подлинно афинскими³⁹. Возможно, схожий

³⁰ См. Nagy 2010, 148–150. О союзе фессалийцев с Писистратидами сообщает Геродот (V. 63). В этом отношении показательна история, согласно которой сын Писистрата Гегесистрат получил новое имя Фессал (Aristot. *Ath. pol.* XVII. 3–4) и был после этого назначен отцом править Сигеем, где, по преданию, находилась гробница Ахилла (Hdt. V. 94).

³¹ Не в последнюю очередь факты, отражающие именно этот процесс, подтолкнули некоторых современных исследователей к формулированию радикальных гипотез, согласно которым гомеровские поэмы и были созданы в Афинах (см., например, Saugie 2000). Похоже, что афинская «пропаганда» оказывается успешной и много веков спустя.

³² См., например, Friis Johansen 1967, 22–243; Lowenstam 1997, 65–67; Burgess 2001, 90–94.

³³ На это, в частности, обращает внимание Kennedy 2009, 6.

³⁴ См., например, сцену на афинском стамносе конца VI — начала V в. до н.э, атрибутируемом «берлинскому художнику»: Мюнхен, Antikensammlung Inv. 2406; J. 421 (LIMC No. 44293).

³⁵ Ср. афинский кратер конца VI — начала V в. авторства того же «берлинского художника»: Лондон, British Museum 1848,0801.1; E 468 (LIMC No. 15193).

³⁶ Ср. изображение на афинской ойнохое середины VI в. до н.э.: Париж, Cabinet des Médailles, A. de Ridder 458 (LIMC No. 44294).

³⁷ Ватикан, Museo Gregoriano Etrusco Vaticano 344 (LIMC No. 2589).

³⁸ См., например, изображение на лекифе конца VI — начала V в. до н.э.: Бостон, Museum of Fine Arts 95.15 (LIMC No. 44167).

³⁹ Надо заметить, что к концу VI в. до н.э. существенно возрастает количество вазописных сцен, в которых Афина изображается вместе с Аяксом. Это связывают с его новой функцией героя-эпонима Афин, когда после реформ Клизфена в городе был установлен его культ. См. об этом Kennedy 2009, 122–123. Вполне вероятно, что роль Аякса в гомеровских поэмах как «второго после Ахилла» (Il. II. 768–769, XVII. 279–280, Od. XI. 469–470) тоже сыграла в этом определенную роль.

механизм и стал причиной особой отмеченности «Илиады» и «Одиссеи»: две этих поэмы были отобраны на Панафинейх в качестве самых «афинских» из-за особой роли в них покровительницы города, в которых эти поэмы и исполнялись⁴⁰. В этом смысле пресловутые «афинские вставки» в гомеровский текст, раздражавшие противников Афин еще в античности и мучающие комментаторов до сих пор, являлись естественной составляющей этого процесса политической адаптации или даже апроприации «Илиады» и «Одиссеи» — процесса, благодаря которому, возможно, из всего корпуса древних эпических поэм до нас дошли именно эти две.

Литература / References

- Bowra, S.M. 2002 [1952]: *Geroicheskaya poeziya [Heroic Poetry]*. Moscow.
- Боура, С.М. Героическая поэзия. М.
- Burgess, J. 1996: The non-Homeric Cypria. *Transactions of the American Philological Association* 126, 77–99.
- Burgess, J. 2001: *The Tradition of the Trojan War in Homer and the Epic Cycle*. Baltimore—London.
- Burgess, J. 2004: Performance and the epic cycle. *Classical Journal* 110. 1, 1–23.
- Burgess, J. 2009: *The Death and Afterlife of Achilles*. Baltimore.
- Burkert, W. 1987: The making of Homer in the sixth century B.C.: rhapsodes versus Stesichoros. In: *Papers on Amasis Painter and His World. Colloquium Sponsored by the Getty Center for the History of Art and the Humanities and Symposium Sponsored by J. Paul Getty Museum*. Malibu, 43–62.
- Clay, J.S. 1983: *The Wrath of Athena: Gods and Men in the Odyssey*. Princeton.
- Cook, E.F. 1995: *The Odyssey in Athens: Myths of Cultural Origins*. Ithaca (NY).
- Davies, M. 1989: *The Greek Epic Cycle*. Bristol.
- Dowden, K. 1996: Homer's sense of text. *Journal of Hellenic Studies* 116, 47–61.
- Du  , C. 2006: *The Captive Woman's Lament in Greek Tragedy*. Austin.
- Finkelberg, M. 1998: *The Birth of Literary Fiction in Ancient Greece*. Oxford.
- Finkelberg, M. 2003: Homer as a foundation text. In: M. Finkelberg, G. Stroumsa (eds.), *Homer, the Bible and Beyond*. Leiden, 75–96.
- Finkelberg, M. 2011: Homer and his peers: neoanalysis, oral theory, and the status of Homer. *Trends in Classics* 3, 197–208.
- Ford, A. 1997: The inland ship: problems in the performance and reception of Homeric epic. In: E.J. Bakker, A. Kahane (eds.), *Written Voices, Spoken Signs: Tradition, Performance, and the Epic Text*. Cambridge (MA)—London, 83–109.
- Frame, D. 2009: *Hippota Nestor*. Washington.
- Friis Johansen, K. 1967: *The Iliad in Early Greek Art*. Copenhagen.
- Graziosi, B. 2002: *Inventing Homer. The Early Reception of Epic*. Cambridge.
- Griffin, J. 1977: The Epic cycle and the uniqueness of Homer. *Journal of Hellenic Studies* 97, 39–53.
- Grintser, N.P. 2018: [Homeric studies at the turn of the century]. In: S.Yu. Neklyudov, N.V. Petrov (eds.), *Pamyatniki knizhnogo eposa Zapada i Vostoka [The Monuments of Western and Eastern Book Epic]*. Moscow, 82–116.
- Гринцер, Н.П. Гомероведение в начале нового века. В кн.: С.Ю. Неклюдов, Н.В. Петров (сост. и ред.), *Памятники книжного эпоса Запада и Востока*. М., 82–116.
- Haslam, M. 1997: Homeric papyri and transmission of text. In: I. Morris, B. Powell (eds.), *A New Companion to Homer*. Leiden, 55–100.
- Janko, R. (ed.) 1992: *The Iliad: A Commentary*. Vol. IV. *Books 13–16*. Cambridge.
- Janko, R. 1998: The Homeric poems as oral dictated texts. *Classical Quarterly* 48. 1, 1–13.
- Jensen, M.S. 1980: *The Homeric Question and the Oral-Formulaic Theory*. Copenhagen.

⁴⁰ Об особой роли Афины в формировании государственной идеологии Афин начиная с эпохи Писистрата см. Kasper-Butz 1991, 167–219. При этом о значимости гомеровских поэм для этого процесса говорит, в частности, тот факт, что «гомеровский подтекст» прослеживается в том числе и в культовой практике почитания защитницы города. См. об этом Karanika 2001.

- Karanika, A. 2001: Memories of poetic discourse in Athena's cult practices. In: S. Deacy, A. Villing (eds.), *Athena in the Classical World*. Leiden, 277–291.
- Kasper-Butz, I. 1991: *Die Göttin Athena im klassischen Athen als Repräsentantin des demokratischen Staates*. Frankfurt am Main–Bern–New York–Paris.
- Kennedy, R.F. 2009: *Athena's Justice. Athena, Athens and the Concept of Justice in Greek Tragedy*. (Lang Classical Studies, 16). New York.
- Kim, L. 2010: *Homer Between History and Fiction in Imperial Greek Literature*. Cambridge.
- Kullmann, W. 1992: Zur Methode der Neoanalyse in der Homerforschung. In: Kullmann W., *Homerische Motive: Beiträge zur Entstehung, Eigenart und Wirkung von Ilias und Odyssee*. Stuttgart, 67–99.
- Latacz, I., Bierl, A. (Hrsgg.) 2010: *Homers Ilias. Gesamtkommentar. Bd II. Zweiter Gesang*. Berlin.
- Lesky, A. 1954: Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Homerischen Epos. In: *Festschrift für Dietrich Kralik: Dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern*. Horn, 1–9.
- Levaniouk, O. 2012: Οὐ χρώμεθα τοῖς ξενικοῖς ποιήμασιν: Questions about evolution and fluidity of the Odyssey. In: Fr. Montanari, A. Rengakos, Chr. Tsagalis (eds.), *Homeric Contexts: Neoanalysis and the Interpretation of Oral Poetry*. Berlin–New York, 369–409.
- Lord, A.B. 1991: *Epic Singers and Oral Tradition*. Ithaca–London.
- Lowenstam, S. 1997: Talking vases: The relationship between the Homeric poems and archaic representations of epic myth. *Transactions of the American Philological Association* 127, 21–76.
- Martin, R. 2013: The rhetoric of rhapsody in Plato's Laws. In: A.-E. Peponi (ed.), *Performance and Culture in Plato's Laws*. Cambridge, 313–338.
- Nagy, G. 1996: *Homeric Questions*. Austin.
- Nagy, G. 2009: *Homer the Classic*. Washington, DC.
- Nagy, G. 2010: *Homer the Preclassic*. Berkeley–Los Angeles.
- Neils, J. 2012: The political process in the public festival. In: J.R. Brandt, J.W. Iddeng (eds.), *Greek and Roman Festivals: Content, Meaning, and Practice*. Oxford, 199–216.
- Sauge, A. 2000: *L'« Iliade »: poème athénien de l'époque de Solon*. Bern.
- Shapiro, H.A. 1992: Mousikoi Agones: Music and poetry at the Panathenaea. In: J. Neils (ed.), *Goddess and Polis: The Panathenaic Festival in Ancient Athens*. Princeton, 53–75.
- Snodgrass, A. 1998: *Homer and the Artists. Text and Picture in Early Greek Art*. Cambridge.
- Tsagalis, C. 2018: Performance contexts for rhapsodic recitals in the Archaic and Classical periods. In: J.L. Ready, C. Tsagalis (eds.), *Homer in Performance: Rhapsodes, Narrators, and Characters*. Austin, 29–75.
- Walker, H.J. 1995: *Theseus and Athens*. New York–Oxford.
- West, M.L. 1995: The date of the Iliad. *Museum Helveticum* 52, 203–219.
- West, M.L. (ed.) 1998: *Homeri Ilias. Volumen prius rhapsodias I–XII continens*. Stuttgart–Leipzig.
- West, M.L. (ed.) 2000: *Homeri Ilias. Volumen alterum rhapsodias XIII–XXIV continens*. Stuttgart–Leipzig.
- West, M.L. 2001: *Studies in the Text and Transmission of the Iliad*. Berlin–New York.
- West, M.L. 2003: Iliad and Aethiopis. *Classical Quarterly* 53. 1, 1–14.
- West, M.L. 2014: *The Making of the Odyssey*. Oxford.
- Zaytsev, A.I. 1964: [The traces of the myth of Helen's abduction by Paris in Homeric epic, Iliad III 144]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya, yazyk, literaturovedenie* [Bulletin of Leningrad State University. Series 2: History, language and literary studies] 4, 20, 90–100.
- Зайцев, А.И. Следы мифа о похищении Елены Тесеем в гомеровском эпосе (Илиада III, 144). *Вестник ЛГУ. Серия 2: История, языкознание, литературоведение* 4, 20, 90–100.